Вестник ТвГУ. Серия "Филология". 2016. № 2. С. 283–288.

УДК 811.111'23

«СИЛЬНЫЙ» ТЕКСТ И РЕИНТЕРПРЕТИРУЕМОСТЬ

Е.М. Масленникова
Тверской государственный университет, Тверь

Понятие «сильного» текста позволяет объяснить тот факт, что отдельные художественные тексты становятся притягательными для переводчиков. Обсуждаются предпосылки для появления переводных континуумов.
Ключевые слова: *«сильный» текст, перевод, интерпретация*.

Самым переводимым текстом признана Библия (https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_literary_works_by_number_of_translations). В США самым продаваемым автором художественных произведений назван В. Шекспир, а из русской литературы (на 1987 год) – Л.Н. Толстой с романами «Война и мир» и «Анна Каренина» и А.С. Пушкин (https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_best-selling_fiction_authors). По данным «Index Translationum» (http://www.unesco.org/xtrans) на 2011 год в мировом «TOP 50» седьмую позицию занимает В.И. Ленин, шестнадцатую – Ф.М. Достоевский, на 23 месте – Л.Н. Толстой и на 42 месте – А.П. Чехов. В список «TOP 10» переводимых русскоязычных авторов попали В.И. Ленин, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, А.С. Пушкин, М. Горький, М.С. Горбачёв, Н.В. Гоголь, И.С. Тургенев и автор учебников по математике для начальной школы М.И. Моро. «Ядро» русской литературы представляют А.С. Пушкин (1799–1837), Ф.М. Достоевский (1821–1881), Л.Н. Толстой (1828–1910), А.П. Чехов (1860–1904), М. Горький (1868–1936), К.И. Чуковский (1882–1969), М.А. Булгаков (1891–1940), Д. Донцова (р. 1952) и А. Маринина (р. 1957).

Говоря о большей притягательности одних текстов по сравнению с другими, В.А. Разумовская [5] предлагает ввести понятие «переводческая аттракция», когда сам исходный текст формирует структуру, внутри которой есть центральное ядро в виде уже имеющихся переводов и периферия, представляемая потенциально возможными переводами. Она использует заимствованное из термодинамики и синергетики понятие «бифуркация» для объяснения различных преобразований текста при межъязыковом и межсемиотическом переводе. Как тексты-оригиналы, так и отдельные переводы способны формировать текстовую решётку культуры (термин «a textual grid» из [8]). Художественный текст задаёт собственный интерпретирующий диапазон, от которого зависит получаемая градуальность его пониманий / интерпретаций / толкований. Потенциальная N-множественность имеющихся или возможных пониманий / интерпретаций / толкований художественного текста связана с категорией абсолютной информации – эпистимацией, понимаемой как «предельная сумма всей информации данного текста при бесконечно долгой демонстрации его бесконечно большому числу читателей» [7: 4]. Открытость текста для читателя, расширение его системы смыслов и значений при повторном обращении к нему проверяется через апробацию текста культурой и временем, когда наиболее востребованные культурой тексты остаются активными во времени и в пространстве. Культурно-апробируемые и культурно-

востребованные тексты признаются классическими и/или каноническими, их часто называют «великими», «сильными» и т.д. Абсолютная информация подобного классического («великого», «сильного») текста постоянно расширяется и растёт.

К характеристикам «великого» или «сильного» текста (ср. [6 и др.]) относятся: его неличностная направленность, отсутствие явно выраженного голоса автора, открытость для интерпретирования, расширение смысла при обращении к тексту, независимость от эпох и культур, апробация культурой, свобода и эктропия внутреннего текстового пространства, вневременная направленность, способность порождать вторичные тексты. «Великий» текст часто имеет социумно-прецедентный, национально-прецедентный и универсально-прецедентный характер (см. подробнее об установлении статуса прецедентных феноменов работы В.В. Красных). Со временем «великий» текст может стать объектом пародирования, когда новый текст основан на подражании внешней структуре и форме прототекста при отклонении от содержания, а читателю предлагается включиться в сложную эмотивно-когнитивную игру. Подобный текст будет источником новых смыслов даже при значительных изменениях в культуре и невзирая на удалённость читателя от времени его создания автором, а со временем он начинает включать все те смыслы, которые были извлечены из него или оказались приписанными ему читателями. В отдельных случаях благодаря культурной традукции тексты, образующие текстовую решётку одной культуры, попадают в другую культуру и ассимилируются в ней. Реинтерпретации перевода могут быть в системе принимающей культуры намного сильнее, чем сам вторичный текст, ставший для них прототекстом. Колыбельная песня «Колода-дуда», которую в третьей главе из первой книги «Тихого Дона» (1928) М.А. Шолохова (1905–1984) поёт героиня, вдохновила П. Сигера / Pete Seeger (1919–2014) на написание первых трёх куплетов песни «Where are the flowers?» (1955). Скорее всего, П. Сигер читал роман М.А. Шолохова в переводе С. Гарри / Stephen Garry, который вышел в 1934 году одновременно в Лондоне и в Нью-Йорке. Песню переводили 28 раз, в том числе – дважды на русский и украинский языки.

Значимость культурно востребованного текста определяется как фактор появления и закрепления канона в определённых социокультурных условиях, когда он живёт в любой культуре, становясь наднациональным, бесконечным и многофокусным. Открытость текста предусматривает определённую интер- и гипертекстуальность, становящуюся средством построения культурологического континуума. «Великие» тексты реализуются не только в виде многочисленных межъязыковых переводов, но и как межсемиотические переводы (экранизации, оперные и балетные постановки, теле- и радиопостановки, мультфильмы и т.д.).

На английский язык роман Ф.М. Достоевского «Идиот» (1868) переводили 10 раз (F. Whishaw, 1887; C. Garnett, 1913; E. Martin, 1915; D. Magarshack, 1955; John W. Strahan, 1965; H. Carlisle и Olga Andreyev Carlisle, 1980; J. Katzer, 1982; A. Myers, 1992; R. Pevear и L. Volokhonsky, 2002; D. McDuff, 2004; I. Avsey, 2010). Только перевод К. Гарнетт / C. Garnett (1861–1946) выдержал 67 переизданий (1917–2013).

Ч. Лэм / Charles Lamb (1775–1834) вместе со своей сестрой Мэри (1764–1847) издают пьесы В. Шекспира / William Shakespeare (1564–1616) в переложении для детей «Tales from Shakespeare» (1807). М. Вербина выполнила перевод этой книги на русский язык для серии «Мировые шедевры для детей» (2006). Также в русском культурном пространстве присутствуют четыре прозаических перевода трагедии В. Шекспира «Король Лир» (Н.Х. Кетчер, 1877; П.А. Каншин, 1893; Ю.И. Лифшиц, 1992–2000, 2005; А.В. Флори, 2008) и 12 стихотворных переводов (В. Якимов, 1833; А.В. Дружинин, 1856; В.М. Лазаревский, 1865; С.А. Юрьев, 1882; А.Л. Соколовский, 1884; Н. Голованов, 1899; А.А. Слепцов, 1899; М.А. Кузьмин, 1934; Т.Л. Щепкина-Куперник, 1937; Б.Л. Пастернак, 1949; О. Сорока, 1990; Г. Кружков, 2013), но герои трагедии заговорили на русском языке благодаря Н.И. Гнедичу (1784–1833), который для первой её постановки на российской сцене (1807) выполнил перевод-переделку «Леар» с французского языка, но Жан Франсуа Дюси / Jean-François Ducis (1733–1816), не знавший английского языка, при создании переделок шекспировских пьес использовал переводы П.-А. де Лапласа / Pierre-Antoine de La Place (1707–1793). Для своего бенефиса (1838) трагедию перевёл актёр В.А. Каратыгин (1802–1853).

Японский режиссёр А. Куросава (1910–1998) создаёт чёрно-белую экранизацию «白痴» / «Идиот» (1951) на основе романа «Идиот» Ф.М. Достоевского и костюмированную историческую драму «乱» / «Ран» (1985) на основе трагедии У. Шекспира «Король Лир», перенеся события этих произведений в Японию. Польский режиссёр А. Вайда / Andrzej Wajda (р. 1926) ставит фильм «Настасья» / «Nastasja» (1994) также по мотивам романа «Идиот», где главные роли князя Мышкина и Настасьи Филипповны сыграл актёр театра кабуки.

Существуют не только «книжные» переводы романа М.А. Булгакова (M. Ginsburg, 1967; M. Glenny, 1967; D. Burgin и K. Tiernan O'Connor, 1995; R. Peaver и L. Volokhonsky, 1997; H. Aplin, 2008; M. Karpelson, 2011; H. Aplin, 2008). Издательство «Self Made Hero» выпускает в серии «Eye Classics» книгу комиксов «The Master and Margarita: A Graphic Novel» (2008, 2012, 2013) с иллюстрациями А. Климовски / Andrzej Klimowski и Д. Счейбал / Danusia Schejbal в духе стилистки манга.

Установка на истинностьсвоего Мира делает художественный текст практически «прозрачным», позволяя читателю по-своему конструировать представленную в нём текстовую реальность. Современной гротескной интерпретацией романа «Идиот» стал фильм «Даун Хаус» (2001) режиссёра Р. Качанова (р. 1967), перенёсшего действие в 1990-е годы. Десинхронизация времени произведения имела место в фильме «Пилат и другие» / «Pilatus und Andere, Ein Film für Karfreitag» (1972) А. Вайды, исключившего «московские» главы романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» (1929–1940, опубликован 1966–1967) и оставившего из него только «новозаветные» главы.

Диалогизм художественной (текстовой) коммуникации предполагает максимальную степень коммуникативного сотрудничества автора и читателя, в результате которого у него складывается особый режим актуализации восприятия текста, что, в свою очередь, позволяет читателю соотносить Мир текста со своим собственным миром по принципу «что–есть–текст–для–меня (здесь–и–сейчас)». На самоопределение читателя по отношению к тексту в

значительной степени могут влиять такие факторы, как культурно-исторические традиции, литературные вкусы и предпочтения, этические и эстетические требования и т.д.

Основными свойствами феномена реинтерпретации исследователи [2; 3 и др.] называют актуализацию нового видения старых истин, в том числе имеющихся интерпретаций, а также противодействие им, критицизм, эстетическую рефлексию. В этом отношении своеобразным переосмысленным «продолжением» шекспировского «Короля Лира» становятся повесть И.С. Тургенева (1818–1883) «Степной Король Лир» (1870) и пьеса В.А. Шендеровича (р. 1958) «Король Лир» (2000) из цикла «Куклы», включающего также пьесы «Борис Годунов», «Скупой рыцарь», «Анна Каренина» и др. П.С. Волкова [2] называет четыре основных типа реинтерпретаций: 1) между культурами, отделёнными друг от друга пространством; 2) между разделяемыми временем культурами; 2) между культурами, разделяемыми временем и пространством; 3) непрямая, т.е. вторичная, реинтерпретация, предпосылкой к которой является осуществлённая раннее в другой культуре реинтерпретация.

В этом отношении возможно возникновение такой ситуации, когда перевод становится культурной реинтерпретацией, осложнённой пространственными и временными параметрами одновременно.

Рассмотрим культурно-контекстуальную реализацию прототекста в английской и русской культурах на примере переводов XXX оды Горация «Exegi monumentum aere perennius...», также известной как «К Мельпомене» / «Ad Melpomenem», которая стала общим «узлом» в двух культурных решётках благодаря своей сильной позиции в мировой литературе, восходящей к греко-римской античной традиции.

О культурном общеевропейском значении произведения Горация свидетельствует параллельное издание «OEuvres complètes d'Horace» (1834) на латыни и на основных европейских языках (французский, английский, немецкий, итальянский и испанский), подготовленное Ж. Монфальконом / J. Monfalcon (1792–1874), который сделал перевод оды на французский в прозе. Английский перевод в издании принадлежит Ф. Франсису / Philip Francis (1708?–1773). Английские переводчики XVII–XIX веков создавали поэтические переводы (Ph. Francis, 1753; W. Sewell, 1850; Th. Martin, 1860; G. Howland, 1865 и др.) и прозаические переводы (H. Haughton, 1844; J. Lonsdale и S. Lee, 1883; C. Smart, 1894 и др.). Однако в «The Odes and Satyrs of Horace, that have been done into English by the most eminent hands» (1717) отсутствует именно эта ода. Оду Горация вольно перевёл М.В. Ломоносов (1711–1765) как «Я знак бессмертия себе воздвигнул...» (1747), ей подражал Г.Р. Державин (1743–1816) в «Памятнике» (1795). Сосуществуют 37 вариантов-подражаний и собственно переводов оды, к числу которых обычно относят работы А.Х. Востокова (1806), Н.Ф. Фоккова (1873), Б.В. Никольского (1899), А.П. Семёнова-Тян-Шанского (1916), Н.И. Шатерникова (1935), Я.Э. Голосовкера (1955), С.В. Шервинского (1968) и В.Я. Брюсова, который дважды (1913 и 1918) возвращался к переводу оды [4].

Стихотворение А.С. Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» (1836) на тему XXX оды Горация «Exegi monumentum aere perennius...» стало прототипом для всей русской литературы и поэтической традиции. Под-

робный анализ стихотворения А.С. Пушкина и его связей с одой Горация содержится в монографии М.П. Алексеева [1].

Остановимся на истории переводов этого стихотворения А.С. Пушкина, чтобы понять особенности его культурной рецепции переводчиками. Английские переводы стихотворения часто приурочивали к юбилейным датам: «My monument» (C.E. Turner, 1899), «Monument» (R. Hillyer. 1937), «I've raised my monument» (J. Fuller, 1937), «The monument» (E.J. Simmons, 1937). Одним из первых переводчиков стихотворения стал И.Н. Панин / Ivan Panin (1855–1942), включив его в книгу «Poems by Alexander Pushkin» (1888). Дж. Поллен / John Pollen (1848–1923) включает свой «A Monument» в антологии «Rhymes from the Russian» (1891) и «Russian songs and lyrics» (1917). Стихотворение было средством идеологической борьбы: «The monument» (Ch. Sidgwick, 1899) публикуется в ежемесячнике «Free Russia», издаваемом «Обществом друзей русской свободы», поддерживающим русских революционеров и политэмигрантов. Затем издание «Англо-русского литературного общества» публикует ещё один «Exegi monumentum» (Fr. Marchant, 1915). М. Дикинсон Бианки / Martha Dickinson Bianchi (1866–1943) – племянница поэтессы Э. Дикинсон / E. Dickinson (1830–1886), поэтому её выбор стихотворения для перевода (1910) можно представить как попытку подчеркнуть преемственность традиций внутри мирового семиозиса.

Впервые стихотворение «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» было опубликовано в 1841 году. В.А. Жуковский, редактируя посмертное собрание сочинений, внёс изменения по причине цензурных ограничений [1]. Если М.В. Ломоносов (*Я знак бессмертия себе воздвигнул / Превыше пирамид и крепче меди*) и Г.Р. Державин (*Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный, / Металлов твёрже он и выше пирамид*) оставляют отсылку к пирамидам, то у А.С. Пушкина *памятник* оказывается *выше Александрийского столпа*, но первые читатели увидели в тексте *Наполеонов столп*, который присутствует в последующих дореволюционных изданиях как метафора высоты и славы. Герой рассказа А.П. Чехова «Интриги» (1887) вспоминает именно такой редакторский вариант. Существует гипотеза, что *Наполеонов столп* указывает на Вандомскую колонну, воздвигнутую Наполеоном I в память о победах в компании 1805 года. В переводах Дж. Поллена и Ч. Тёрнера / Ch. Turner (1831–1903) присутствуют *the pillar of Napoleon's pride* и *Napoleon's column*. Принято считать, что *Александрийским столпом* А.С. Пушкин называет Александровскую колонну, воздвигнутую в память о победе Александра I над Наполеоном. М. Дикинсон Бианки вышла замуж за капитана Лейб-гвардии Конной артиллерии Александра Бианки (1873–1922?), поэтому она указывает на титул (*pillar / The Emperor Alexander hath*). И.Н. Панин представляет *the monument of Alexander*. Современные переводчики прочитывают *Александрийский столп* как часть петербургского топоса или интерпретируют его через отсылки к египетской Александрии. Дж. Лоуэнфелд / J. Lowenfeld (p. 1963) оставляет *Alexander's column*. Р. Кайл / R. Keil (p. 1923) и Т. Ландольфи / T. Landolfi (1908–1979) считают прилагательное производным от имени *Александр – Alexanders Mal aus Stein* и *colonna d'Alessandro*. А. Пиот / André Piot (1894–1974) конкретизирует (*colonne / Du Tsar Alexandre Premier*). Другие, разделяя предположения о том, что прилагательное указывает на Фаросский маяк [9], предпочитают *le Phare*

des Alexandrins (H. Grégoire, 1945), *le Pharos alexandrin* (L. Martinez, 1993) или *l'obélisque alexandrine* (N. Nassakina, 1993).

Особенности воспринимающей культуры вызывают хронолектную множественность трактовки текста. С увеличением пространственно-временной дистанции снижается возможность для достижения оптимального уровня декодирования читателем первичной информации, тем самым действует обратно пропорциональная зависимость.

Список литературы

1. Алексеев М.П. Стихотворение А.С. Пушкина «Я памятник себе воздвиг...». Л.: Изд-во «Наука», Ленинградское отделение, 1967. 271 с.
2. Волкова П.С. Феномен реинтерпретации в свете компетентностного подхода: к постановке проблемы // Теория и практика общественного развития. 2007. № 2. С. 109–113.
3. Волкова П.С. Феномен реинтерпретации: опыт осмысления (на примере современного искусства) // Известия Российского гос. педагогического ун-та им. А.И. Герцена. 2008. № 78. С. 96–102.
4. Мусорина Л.А. Расхождения с оригиналом в переводах XXX оды Горация, выполненных с академической целью // Наука. Университет. 2001. Новосибирск, 2001. С. 15–20 [Электронный ресурс]. URL: http://www.durov.com/literature2/ musorina-01.htm (дата обращения: 11.03.2016).
5. Разумовская В.А. Переводная аттракция как бифуркация «сильного» текста культуры // Язык и культура в эпоху глобализации. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2015. Ч. 1. С. 81–90.
6. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М.: Наука, 1983. С. 227–285.
7. Троицкий В.П. Текст, информация, «эпистемация» // НТИ. Сер. 2. Информ. процессы и системы. 1981. № 2. С. 1–5.
8. Bassnett S., Lefevere A. Constructing Cultures: Essays on Literary Translation. Clevedon: Multilingual Matters, 1998. 143 p.
9. Lednicki W. Bits of Table Talk on Pushkin, Mickiewicz Goethe, Turgenev and Sienkiewicz. The Hague: Martinus Nijhoff, 1956. 263 p.

"STRONG" TEXT AND INTERPRETABILITY

E.M. Maslennikova
Tver State University, Tver

The concept of "strong" texts can explain the fact that some texts are attractive for translators. The conditions for translations' continuums are discussed.

***Keywords**: "strong" text, translation, interpretation.*

Об авторе:

МАСЛЕНИКОВА Евгения Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Тверского государственного университета, e-mail: e-maslennikova@inbox.ru